

Константин Фрес

Желанное наказание

<https://litres.ru/74203407>

Аннотация

Молоденькую девушку выдали замуж за богатого человека, принеся ее невинность в жертву интересам семьи. Для нее он похотливый жестокий тиран, монстр, карающий всякое неповиновение. Для него она очередная игрушка, всего лишь выгодное приобретение, вещь, которой он будет наслаждаться очень недолго. Или долго?..

Содержание

Первая брачная ночь	4
Простая история	26
В поисках помощи	40
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Первая брачная ночь

Свечи, свечи, свечи - их много, словно тут готовится что-то жуткое, как ритуальное убийство.

Их мягкий свет разгонял мрак, отражался в зеркалах, дробился в отражениях на лучи и освещал фигурку перепуганной девушки, замершей на краешке огромной кровати.

Она сидела безмолвно, неподвижно, как изваяние, крепко сжав кулачки. Изредка она шумно вздыхала и, чтобы усмирить бьющую ее дрожь, разглаживала складки невесомой, почти прозрачной ночной сорочки, надетой на ее тонкое тело.

Опуская взгляд, она видела, как сквозь легкую ткань просвечивают розовые остренькие соски, темнеет впадинка пупка. И тогда ее щеки покрывал багровый румянец стыда, она опускала голову, отчего ее пышные золотистые волосы соскальзывали с плеч и скрывали склоненное лицо, и потуже стягивала на шее края сорочки, словно хотела спрятаться, закрыться от чьего-либо взгляда.

Будто это невинное действие, ту же стянутый бант завязок мог придать ей более приличный и скромный вид, такой, какой положен благочестивой и приличной невесте.

Невесте!

От одного упоминания этого слова, от взгляда, брошенного в сторону гардероба, где в таинственной темноте поблес-

кивало расшитое бисером и мелким жемчугом ее свадебное платье, ее кидало то в жар, то в холод.

Ее муж, лорд Терроз Гранчестер... Она видела его всего три раза в своей жизни, и он ее ровно столько же. Но это не помешало ему, богатому пресыщенному жизнью мужчине, захотеть ее. Так, как хотят дорогие вещи и изящные безделушки. Так, как он хочет своих породистых лошадей, которых у него полна конюшня, и дорогие автомобили.

Для него она была всего лишь очередным развлечением, красивой вещью, которую он купил, не задумываясь, чтобы повертеть в руках, поиграть, сломать, а потом и выбросить бездумно или забыть в каком-нибудь темном уголке своего огромного поместья.

Он был очень богат, очень. И стар - невеста с ужасом еще и еще воскрешала в памяти его образ, его внимательные и холодные темно-синие, как ночь, глаза, черные волосы с проседью. Ему, вероятно, было уже сорок, вдвое больше лет чем ей! Девушка закусывала губу, на ее вздрагивающие руки начинали капать горячие слезы и она всхлипывала, дрожа и с трудом сдерживая подступающие к горлу рыдания.

Все должно быть не так, не так!

Она должна была выйти замуж за Томми, за красивого юношу, первого жениха в округе. Брак с ним поправил бы материальное положение их семьи, да Том и нравился Али-лессе, но...

Проклятый Гранчестер! Его холодные глаза рассмотрели

ее, увидели, и он просто предложил большую цену.

Свадьбы практически не было.

Перепуганная, наряженная в красивое платье Алилесса, словно подарок в нарядной упаковке, и понять ничего толком не успела. Было быстрое венчание в церкви, наспех произнесенная клятва и лорд, небрежно поставивший свою подпись с таким видом, словно он подписывает очередной чек на покупку.

Затем ее усадили в его автомобиль и он просто увез ее.

Ни праздника, ни гостей, не поздравлений. Ее встретил молчаливый огромный дом и полутемная спальня, где лорд предложил ей отдохнуть с дороги и подготовиться к первой брачной ночи. А сам он, наскоро переодевшись, поспешил в конюшню - Алилесса слышала, что накануне он купил очень дорогого жеребца и еще не налюбовался, не наигрался своей дорогой игрушкой.

Лорд, конечно, сделал ей свадебный подарок - открыв коробку, обтянутую шелковистой глянцевой бумагой, Алилесса, багровея до корней волос, обнаружила в ней розовый шелковый корсет, обшитый черными кружевами, сетчатые чулки с широкими бархатными подвязками и крошечные трусики, настолько маленькие, что и надевать их смысла не было.

Что?! Надеть это?!

Алилесса расплакалась, приложив эти вещи к себе. В них она выглядела... проституткой. Быть такой в первую брачную

ночь?! Вот, значит, как видел ее муж - предметом для утех, куклой в ярких развратных тряпках.

Она сложила подарок лорда обратно в коробку и убрала ее в шкаф. Там же она искала что-то, более приличествующее девушке, но с трудом нашла длинную ночную сорочку, да и та оказалась практически прозрачной. Ее шкаф был набит легкомысленными кружевами, коротенькими, еле закрывающими попку шелковыми рубашечками на тонких бретелях, какими-то глупыми чулками и трусиками... Перебирая вещи, Алиесса сгорала от стыда. Прижимая ладони к пылающим щекам, она с ужасом думала о том, что произойдет вскоре - вдоволь наигравшись с лошадьми, натешив свое самолюбие и наравдавшись дорогой покупке, лорд Терроз рано или поздно, но придет в спальню, заняться новым приобретением. Первая брачная ночь... разве это так должно происходить? Разве не должен муж быть внимателен, разве он не должен быть терпелив? Ведь у Алиессы никогда не было мужчины, ее и обнаженной-то видел разве что доктор! Мужу полагалось бы понять стыдливость невинной девушки, и...

Но лорду, кажется, было все равно. Он просто не подумал об этом - о том, что Алиессе может быть стыдно представлять перед практически незнакомым человеком в таком легкомысленном виде. Или подумал, но ему было на это плевать.

Игрушку нужно украшать как следует чтобы не наскучила быстро.

Звук открываемой двери вывел Алилессу из ступора, заставил ее вздрогнуть, она подпрыгнула, как школьница при появлении строгого учителя, нервно разглаживая рубашку на бедрах вспотевшими ладошками.

Лорд Терроз был только что после душа - и почти полностью обнажен. Это был красивый, высокий, статный мужчина, атлетически сложенный. Вода мелкими капельками поблескивала на его широких плечах, блестела на мощной груди. Смыв с себя пот, грязь, пыль, он наскоро прибрал влажные волосы и всего лишь обернул бедра белым полотенцем - Алилесса глянула на его живот с темной дорожкой курчавых волос, и ее снова кинуло в краску от стыда. До сих пор и ей не приходилось видеть обнаженного мужчины, и уж тем более понимать, что принадлежишь ему.

На красивом лице лорда отразилось недоумение и легкое недовольство. Прикрыв за собой дверь, он неторопливыми шагами приблизился к обмирающей от страха Алилессе, оглядывая ее с ног до головы.

- Тебе не хватило времени подготовиться как следует к моему приходу? - произнес он. Голос у него был приятный - глубокий, бархатный, - но в нем не было ни тепла, ни каких-либо чувств. - Я же ясно дал понять, в чем я хочу тебя видеть сегодня. В чем дело?

- Я... - пролепетала Алилесса, нервно стискивая руки. - Я не смогла бы... не посмела... мне стыдно... неудобно...

- Что ты там бормочешь? - резко произнес лорд, вплот-

ную приблизившись к девушке. Сквозь тонкую ткань своей сорочки обмирающая от страха девушка почувствовала жар его обнаженного тела. Он резким движением поднял к себе ее лицо, заглянул жестокими глаза в ее, перепуганные и полные слез. - Запомни хорошенько: в моем доме нужно жить по правилам, которые я устанавливаю, ясно? Ты должна слушаться меня во всем, что бы я ни потребовал. И тогда тебе не о чем будет беспокоиться. Если же нет, - его пальцы гневно вздрогнули, стиснув ее подбородок, ей стало больно и она не сдержала слез. - Если нет, то я познакомлю тебя со своим хлыстом. Я объезжаю лошадей, самых диких и строптивых. И даже самые упрямые из них в конце концов слушаются меня и покоряются. Ясно?

- Да, - прошептала Алиесса, глотая слезы.

- Отлично, - ответил лорд, внимательно рассматривая ее испуганное лицо. - Я прощаю тебе твою первую оплошность. Но с этой минуты ты будешь мне покорна. Иди сюда.

Его ладони по-хозяйски легли на ее плечи, стиснули тонкую ткань и лорд одним рывком разодрал на девушке рубашку, стащил ее с хрупких плеч. Алиесса вскрикнула, залившись краской стыда, попыталась прикрыться, но он перехватил ее руки, больно стиснув запястья, и заставил отвести их назад, за спину, прогнуться назад, предоставив е взгляду ее невинное тело.

- Так-то лучше, - внезапно охрипшим голосом произнес он, пожирая глазами ее красоту. Его ладонь легла на ее об-

наженную грудь, часто вздымающуюся от страха, кончики пальцев скользнули по острому, напряженному соску, по розовой приятной округлости, вниз, до подрагивающего животика и гладкого чистого лобка. Прикосновение это было неожиданно нежным, и в сердце Алилессы родилась надежда, что лорд сменит гнев на милость и все пройдет не так ужасно, как она думала сначала. - Доставишь мне удовольствие? Умеешь?

Одним движением он снял со своих бедер полотенце, и Алилесса расширившимися от ужаса глазами увидела его обнаженным полностью. От стыда она готова была провалиться, когда мужчина прижался к ней бедрами и крепко, по-хозяйски, ухватил ее за ягодицу, сминая кожу как мягкое податливое тесто. Его член был уже напряжен и подрагивал, лорд взял ладонь девушки и заставил ее положить на красную горячую головку, сжал тонкие пальцы девушки вокруг нее. Но девушка совершенно не знала, что делать дальше, и лорд снова недовольно поморщился.

- Ты вообще живая? - резко спросил он. - Будешь шевелиться?!

- Я... - прошептала Алилесса пересохшими губами. - Я не умею...

- Что?!

- У меня не было мужчины, понимаете, и я не могу...

- Ты девственница?!

В голосе лорда прозвучало такое изумление, что Алилесса

от обиды чуть не расплакалась. Он что, действительно считал ее шлюхой?!

- Да, - прошептала она стыдливо.

Ее признание прозвучало в полной тишине, девушка уже подумала, что грозный лорд оттаает, перестанет быть таким жестоким и, вероятно, оставит ее в покое хотя бы на сегодня, даст ей привыкнуть к нему, да хотя бы познакомиться с ним получше.

Но вместо понимания и нежности на его лице проскользнула поистине адская усмешка, он неприятно, страшно хохотнул, его рука бесцеремонно влезла меж ее бедер, пальцы грубо и больно толкнулись в лоно так, что Алиесса вскрикнула.

- У меня сегодня тоже подарок к свадьбе, - прошипел он.

В мгновение ока Алиесса оказалась лежащей на кровати - лорд бесцеремонно швырнул ее туда, словно она была вещью, - а сам оказался на ней, придавив ее всем весом своего тела.

- Признайся - ты играла с собой? - насмешливо спросил он, жадно тиская, обшаривая ее тело, проникая пальцами в такие места, о каких и думать-то было стыдно. - Ласкала себя?

- Нет, нет! - пропищала Алиесса, задыхаясь от отвращения. Его похотливые прикосновения, его гадкие, мерзкие намеки и глаза, в которых читалась насмешка и все самое низкое, отвратительное вызывали в ней тошноту. Не так ей

представлялась первая брачная ночь, праздник любви и нежности!

Но лорд, кажется, понятия не имел, как это - быть нежным. Его пальцы бесцеремонно толкались в ее лоно, отчего тело Алилессы пронзала резкая боль, девушка извивалась и вскрикивала, уже не сдерживая своих рыданий.

- Сухая, - сказал наконец лорд. Низ живота Алилессы горел огнем, между ног все пульсировало от боли, ей даже страшно было подумать, что там можно прикасаться.

- Пожалуйста, не надо, - униженно молила она сквозь рыдания, стараясь сдвинуть, стиснуть колени. - Не сегодня, прошу вас!..

- Не сегодня! А когда? - со смехом произнес он.

Он поднялся с нее, передвинулся ближе к ее лицу и она с отвращением, стыдом и ужасом увидела его напряженный член прямо у своего лица.

- Открой рот, - велел лорд и слегка надавил на ее подбородок. - Давай, быстро.

- Что? - прошептала Алилесса. Станный, незнакомый запах, запах его возбуждения пугал ее и казался омерзительным, вид мужского естества рождал в девушке странное чувство, от которого горячая пульсация в животе разливалась слабостью по всему телу. Член лорда, перевитый вспухшими венами, показался ей огромным, а она была такой маленькой и хрупкой... Она слышала об интимных ласках и знала, что этот орган мужчин предназначен для того, чтобы доставлять

удовольствие, но как это возможно?! Этим монстром можно было только растерзать, разорвать, причинить дикую боль! И зачем открывать рот?

Горячая головка его члена, сочившаяся прозрачными каплями смазки, ткнулась в ее губы, оставив влажный след, и девушка содрогнулась от омерзения.

От одной мысли о том, что он задумал, ее начинало мутить, и она хотела отползти, отстраниться, но лорд не дал ей этого сделать. Почти насильно он заставил ее раскрыть губы и его горячий член вонзился в ее рот, одним толчком достав почти до самого горла. Лорд хрипло застонал от удовольствия, запрокинув голову, закрыв глаза, сжав до боли ее затылок, вцепившись в ее волосы. Видно было, что он итак давно сдерживал свое дикое желание, если простое проникновение принесло ему столько обжигающего наслаждения. Девушка почувствовала, как его тело дрожит под ее рукой, которой она пыталась оттолкнуть лорда, и каждый неторопливый толчок в ее рот только усиливал эту дрожь, мускулы под его кожей перекачивались, напрягаясь.

Лорд изо всех сил сдерживал свое все нарастающее возбуждение.

Сгорающая от стыда и унижения Алилесса почувствовала, как тошнота подкатывает, несколько спазмов скрутили ее тело, она попыталась оттолкнуть лорда, но он быстро пресек ее слабые попытки сопротивления и снова начал двигаться - резкими глубокими толчками, прижимая горячую головку

своего члена к ее небу, не давая ей возможности вздохнуть.

«Господи, пусть этот ужас поскорее кончится, пусть!» - рыдая, про себя молила Алилесса, изо всех сил упираясь в его бедра руками, желая отстранить его, но это не мешало ему трахать ее в рот, шипя от удовольствия.

Через минуту эта унижительная пытка кончилась, и рыдающая Алилесса с совершенно мокрым от слез и собственной слюны лицом, жадно хватаящая ртом воздух, снова была брошена на кровать, бесцеремонно и грубо. Ей хотелось провалиться сквозь землю тотчас же, она чувствовала себя оплеванной, униженной, опозоренной.

«Хуже быть не может», - твердила она про себя, чувствуя, как лорд грубо и жестоко, насильно растаскивает ее стыдливо сжатые колени, несмотря на ее стоны и рыдания, как он устраивается у нее между ног и водит мокрой головкой члена по ее промежности - неторопливо, разглаживая скрывающие девственное лоно лепестки и надавливая на какую-то очень чувствительную точку.

От прикосновения к этой точке Алилессе становилось не по себе. Ощущение было незнакомым, диким и скорее неприятным. Оно тревожило, еще больше хотелось сдвинуть ноги и не давать трогать себя.

- Не надо, не надо, - шептала Алилесса сквозь слезы, содрогаясь от рыданий, но мучитель ее словно не слышал.

Он нашел вход в ее тело - узкий, очень узкий, пульсирующий болезненной тяжестью, - и его огромный толстый член

надавил туда, растягивая узенькую дырочку. От боли Алилесса закричала, но лорд пресек ее крик, зажав ее рот грубой ладонью.

- Терпи, - прохрипел он, сверкая страшными, слово сумасшедшими глазами.

Его пальцы скользнули по ее телу и нащупали ту самую точку, пульсирующую горячей тяжестью. От слюны она была влажной, а прикосновения умелых пальцев лорда почти нежными. Он чуть погладил припухшую гляцевую поверхность, и Алилесса ахнула, почувствовав неведомое ей дотоле ощущение.

Острое, словно кололи иголкой, горячее, сильное, как ожог кипятком, но такое прекрасное, что от этих быстрых движений пальцев лорда ее тело само напряглось, натянулась каждая мышца, вибрируя как струна, и испуганная этой странной реакцией собственного тела, неуправляемой, как припадок эпилепсии, Алилесса услышала его хриплый смешок.

- Хорошо, да? - прошептал лорд, продолжая умело ласкать эту точку, отчего горячее жжение, обволакивающее нечеловеческим удовольствием, разливалось по животу девушки. - А ты не такая деревянная, какой кажешься... Лежи смирно, не то высеку.

Лорд поднялся с ее тела, уселся меж ее разведенных коленей, продолжая настойчиво давить меж ее ног своим членом и терзая, щекоча ее клитор, разбухший, упругий, напряжен-

ный не меньше его члена.

Алилесса, дрожа всем телом, хотела освободиться, но его рука жестко ухватила ее, причиняя боль, удержала на месте.

- Я сказал, - прогремел он, - лежи смирно! И молчи.

Но это было невозможно.

Жжение, рождающееся в месте, где лорд разглаживал и щекотал пальцами, заполняло все, Алилессе казалось, что все между ее ног горит, распухло и пульсирует мягкими глубокими толчками, доставляя одновременно муки и наслаждение. Она извивалась, изгибалась дугой, стискивая, комкая простыню руками, терзая ее ногтями, дрожа так, что мышцы сводило судорогой, чувствуя, как каменеют мускулы на ее трясущихся бедрах и ягодицах. Пот тонкой струйкой скользнул по ее напряженной шее, глаза ее были распахнуты так широко, что, казалось, еще немного - и они лопнут от напряжения, а изо рта вырывалось дыхание вперемежку с жалкими, униженными стонами, с обрывками слов, выкриками.

- Пожалуйста, пожалуйста, нет, не надо, - молила Алилесса, но ее слов было не разобрать.

Острое удовольствие превратилось в горячую, обжигающую пытку, пальцы лорда двигались слишком быстро и девушка закричала, багровея дрожащим лицом, закричала громко и ужасно, как кричат от невыносимой пыточной боли, так, словно ее клеймили каленым железом или заживо снимали кожу. Новое, неведомое ей чувство наполняло ее, заполняя все существо. Перепуганной, ничего не понимаю-

щей девушке, чей разум был затоплен ужасом, казалось, что надвигается что-то ужасное, страшное, чего она точно не вынесет и умрет, разорванная этим жжением в клочья.

- Не надо! - кричала она, извиваясь. - Нет!

Ее невидящие глаза снова и снова с изумлением смотрели в пустоту, она тряслась как в ознобе и недоумевала - неужели это все происходит с ней?! Неужели это ее, Алилессу, низвели до животного состояния, в котором она не в состоянии контролировать ни свое тело, ни свой голос, ни свое поведение?!

Она почти сошла с ума и умерла, это неведомое и страшное, разрывающее сердце, едва не произошло, когда рука лорда отдернулась, и Алилесса рухнула в истерзанные простыни, обессиленная. Из ее тела словно выдернули стержень и каждая ее мышца мгновенно расслабилась и превратилась в мягкий воск.

И лорд воспользовался этим. Ее горячее лоно, до того узкое и сжавшееся от острой ласки, вдруг стало мягким, слабым, податливым. Одним предоргазменным спазмом из него выплеснулась вязкая прозрачная влага, остро пахнущая женским возбуждением, и лорд одним сильным мощным толчком безжалостно вошел в девушку, разрывая девственную плеву.

Низ живота Алилессы обожгло острой болью, она вскрикнула, чувствуя, как вместе с ней в ее тело проникает нечто огромное, плотное, заполняя, растягивая, и...

То страшное, неведомое, чего она так страшилось и отвергала, напрягая все мышцы тела, вдруг свершилось и обрушилось. Затирая вспыхнувшую было боль, резкие толчки перенапрягшегося члена в ее теле вдруг разожгли то самое удовольствие, которым лорд наполнял ее, и Алилесса снова закричала, вцепляясь в его плечи ногтями, забилась под его огромным телом,двигающимся над ней и в ней, содрогаясь в сильных спазмах, от которых было хорошо, невероятно хорошо и стыдно до головокружения. Они топили ее с головой, от них перед ее закрытыми глазами вспыхивали ослепительные белые вспышки, и она сама бесстыдно расставляла пошире ноги и двигалась навстречу толчкам лорда, повинувшись дремучему инстинкту, продлевая удовольствие, пульсирующее в ее животе.

- Да, да, да! - кричала она, забыв себя, подчиняясь каждому мощному толчку в ее теле, вздрагивая от проникновений в глубину, от которых хотелось скулить и самой насаживаться еще сильнее, хотелось, чтобы он разорвал, проник еще глубже и остался там, даря удовольствие, смешанное с рабской покорностью.

- Девочка моя, - прохрипел лорд, дрожа всем телом над нею. Ее крики, ее возбуждение и ее удовольствие, которое потрясло ее и заставило выпрашивать еще ласк, возбудили его еще сильнее. Он смотрел в ее покрасневшееся лицо, слушал ее жалкие стоны - как же быстро ее плач и мольбы перешли в оргазменные крики! Она была девственницей, в этом

не было никакого сомнения, а теперь сама со страстью прижималась к нему, поскуливая, выпрашивая ласки, и кричала так, словно погибает, но все равно раскрывалась ему навстречу.

И поэтому хотелось мучить ее дальше, заставлять заходиться в воплях, хотелось слушать шлепки влажных тел друг о друга и обонять сладкий запах возбуждения. Она была очень узкой, сжимала его крепко, туго, почти до боли, и поэтому его удовольствие накатило почти сразу вслед за ней. Горячей, обжигающей волной оргазм потряс и его, и он вжался с хриплым стоном в ее мягкие, раскрытые перед ним бедра, до боли стиснул ее мягкую ягодицу, горячо дыша в ее мокрую горячую шею.

- Девочка моя...

Он мучил ее долго. До самого утра, до серого жемчужного света за окном.

Лишь ненадолго отпустил ее в ванную - принять душ и смыть с тела следы первой близости и кровь, - а затем снова затащил ее в постель, жадно тиская. Ожидая томности опытной любовницы, он вдруг получил девственницу, стеснительную, краснеющую от стыда, пробующую прикрыться. Это было очень эротично, это дико возбуждало.

И от ее невинности, от ее чистоты, от вида ее юной, нетронутой красоты, от тонких стройных бедер и трогательного розового треугольничка между ножек, от маленькой, но изу-

нительно красивой груди у него кровь начинала закипать. Он припадал жадным ртом к острым соскам, лаская их языком до тех пор, пока девушка не начинала извиваться от удовольствия. Уставшую, измученную, обессиленную после первого оргазма, он перевернул ее на живот и заставил встать на колени, широко расставив ноги и опираясь на локти. Его рука жадно прошлась по бесстыдно раскрытому перед ним абсолютно мокрому лону и он вошел в девушку одним движением, крепко прижавшись к ней бедрами, проникнув так глубоко, что она завывала жалобно, содрогаясь и вцепившись в простыню зубами, дыша часто и неглубоко. Ей казалось, что ее на кол сажают, растягивая, разрывая ее нежные внутренности, тревожа чувствительный вход в лоно, все еще помнящий боль от дефлорации. Но вместо острой боли теперь было странное ощущение, проникновения в ее тело и трение члена внутри нее наполняли девушку горячим тяжелым удовольствием, от которого она постанывала.

Эта странная девчонка, наивная, стыдливая, неловкая и неумелая разбудила в мужчине интерес, страсть и дикое желание. Ему смешно было смотреть, как она боится оргазма, как она противится ему, вся сжимаясь чуть не до судорог, как постанывает, боясь вздохнуть глубоко, когда его член вколачивался в ее юное тело. И ему хотелось заставлять ее кончать еще и еще.

Но больше всего ему понравилось, как она кричит.

Эта краснеющая от вида голого мужчины юная девствен-

ница кричала так, словно была бессовестной дикаркой, кричала исступленно, страстно, отмечая каждый толчок, возносящий ее на вершину блаженства. И в глазах ее отражалось такое изумление, словно она не верила, не могла поверить, что такое удовольствие может доставить не Бог, а простой мужчина. И это льстило. Это приятно царапало нервы, это заставляло делать приятно девчонке снова и снова, доводя ее до исступления, до откровенного изнеможения, до полных удовлетворения стонов.

Бессвязно шепча «нет, нет!» и стараясь освободиться от его рук, от его ласк, она была мокрой. Запах ее возбуждения был чистый, пряный, похожий на запах хлеба, и вся постель была пропитана им. Вязкая влага оросила ее аккуратные розовые набухшие губки, скрывающие лоно. Смазки натекло столько, что даже узенькая дырочка меж ягодиц была мокрой. Скользкой. Кричит «нет», а сама течет, хочет его. Завтра пальцы будут полдня благоухать ею, покалывая память о горячей возне и о ее растерзанном теле. Невинном теле.

Трахая ее сзади, чуть слышно постанывающую, лорд Терроз погладил сжавшееся колечко ее ануса, чуть нажал на него, погружая палец внутрь, и девчонка заскулила, стыдливо сжимаясь:

- Нет, прошу, только не это!

- Молчи, - прохрипел он, вводя палец глубже и слушая ее жалкий вой. Как маленькое, беззащитное, измученное животное. Стонет, воеет, трясется так, что тонкие девичьи бедра

дрожат заметной крупной дрожью.

Двигая пальцем внутри ее тела, сквозь тонкую перегородку ее плоти Терроз чувствовал движения своего члена внутри ее тела. Чувствовал, как головка проводит раз за разом внутри нее полосу, наливающуюся наслаждением. Девчонка стала еще уже, сжимала его член настолько, что стало почти больно от удовольствия, покалывающего острыми иглами.

Нет, это не то. Ему нужны не эти жалкие стоны и тихие всхливы. Его рука соскользнула с ее ягодиц, девчонка вздохнула с облегчением, чуть расслабившись. Рано радуешься, красавица...

Он навалился, накрыл ее узкую спинку собой, потянулся меж ее широко расставленных ног к ее клитору, дотронулся до него - мокрого, распухшего, - пальцами, погладил, и девчонка из ноющей и забитой превратилась вдруг в строптивую кобылицу, взбрыкнув под ним, вздрогнув, словно он хорошенько ожег ее атласную кожу плетью. Невинная, не знавшая ласки, тихая и пугливая, она оказалась горяча, очень горяча, и норовиста, как необъезженная дикая лошадь.

Это хорошо; это очень понравилось Террозу - и ее темперамент, и то, как она хотела сопротивляться ему.

От его ласки ее бедра начали мелко дрожать, она кричала, задыхаясь, выгибая спину и крутя задом, словно стараясь сбросить его, пыталась свести вместе колени, и все равно оставалась открытой для него. Мокрой и горячеей. Возбужденной.

- Нравится? - шептал он в ее ухо, в горячие влажные волосы на затылке - Скажи, что тебе нравится!

Он нарочно заставлял ее говорить это, помня ее мучительный стыд и краску стыда на ее щеках. Невинная девушка и помыслить не могла о том, что он будет делать с ней и как она будет себя вести, а уж признать, что все эти бесстыдные вещи доставляют ей удовольствие... Она упрямо молчала, сопротивляясь, и он чуть усмехаясь, трахая ее узкое лонно, продолжал мучить ее, предвкушая крик, полный удовлетворения. Она сжималась, стискивая его движущийся в ее мокром разгоряченном теле член, и он замедлял темп, останавливался, со стоном переживал первое удовольствие, оттягивая миг кульминации.

- Нравится? - повторял он, касаясь самыми кончиками пальцев так, что жжение становилось ей невыносимым, и она выла. - Скажи, что нравится! Скажи!

- Нра... вит...

- Скажи, что хочешь меня! Ну!

Она упрямо сцепляла зубы и напрягалась, выгнув спину, замерла неподвижно, дрожа вся мелко-мелко. По ее дрожи можно было сосчитать количество его прикосновений к ее клитору, в такт с ними тряслись ее напряженные ягодицы, и он усмехался, начинал толкаться в ее тело жесткими безжалостными ударами, проникая глубоко, жестко трахая, прижимая ее к себе и не выпуская истерзанного клитора из сво-

их пальцев.

- Двигайся сама, - велел он, задыхаясь. Ее узкое лоно доставляло его к наивысшей точке удовольствия слишком быстро, и он снова останавливался, пережидая. - Будет легче. Ну?

Она несмело качнула бедрами раз, второй, двигаясь на его члене, и иступленно принялась насаживаться на него сама. Жгущее ощущение отступило, растеклось тяжестью по животу, стало глубоким наслаждением, девчонка громко задыхалась, раскрыв рот, расслабив язык.

- Скажи, что хочешь меня! Говори!

- Хо...чу... тебя...

Это признание, произнесенное заплетающимся языком, еле слышное и еле понятное, выбитое любовной пыткой, приятно кольнуло его самолюбие, так же как и ее откровенные движения под ним. Никогда еще женское возбуждение и наслаждение не было для него таким искренним и волнующим, никогда они не походили на отчаяние, с которым жертва покоряется палачу, и никогда он еще не видал такого сильного экстаза - до обморока, почти до потери сознания.

- Умница, - его пальцы терзали ее промежность, напряженный член двигался между припухших половых губ, и девчонка снова закричала, не выдержала, извиваясь под ним змеиной гибкой спиной и сама сильнее прижимаясь ягодицами к его паху, устав сопротивляться и желая кончить, чтобы только прекратить это мучение.

Ее грубые животные стоны вырывались из губ рваным рычанием - ровно с количеством его толчков и количеством спазмов, выкручивающих в оргазме ее тело. Девчонка терзала простыни, рыча как хищница, попавшая в капкан, низко, утробно, и с ее тонким девичьим телом, ставшим внезапно сильным, было не так-то легко справиться.

- Умница, - шептал он, чувствуя, как и его накрывает удовольствие. Он подхватил ее содрогающееся тело, прижал к себе ее мокрую, дрожащую спину, стискивая груди с торчащим жесткими сосками жадными ладонями и выдохнул свое удовольствие в ее шею, в ее влажные от пота волосы, трахая девчонку безжалостно, насаживая ее на свой член. - Умница...

Простая история

Алилесса Грин по праву считалась красавицей, стройной, длинноногой. Может, и не такой ослепительной, как Мелинда, рыжеволосая соседка, живущая через улицу. Но что-то такое было в ее хорошеньком личике с глубокими серыми глазами, обрамленном золотистыми пышными кудрями.

Отец Алилессы был вдовцом, уже давно. Его жена умерла, оставив ему дом, кучу долгов - они вместе владели цветочным магазином, который почти не приносил дохода, - и троих дочерей. Алилесса была совсем взрослой и на ее плечи легла забота и о сестрах, и о доме. Иногда она помогала и отцу в магазине.

Двое ее сестер, Мери и Аманда, еще учились, и отец с трудом мог оплачивать их обучение, одежду, учебники...

С ранней юности Алилесса была готова к тому, что ей придется выгодно выйти замуж чтобы помочь отцу поправить дела и снять с него груз ответственности за ее судьбу. В качестве жениха отец присмотрел Алилессе Тома - приятного молодого человека из очень хорошей и обеспеченной семьи. Том был всем хорош - молодой спортсмен, не скучный и интересный собеседник. Разве что немного хвастлив и болтлив, думала Алилесса, недовольно морща носик. Но отец уверял ее, что это невеликое горе. Бывают молодые люди и похуже, гуляки и пьяницы, а еще безработные, которые попивают

пиво в пабах и ничего не приносят в семью. Том, конечно, будет не таким. У него диплом адвоката в кармане, его отец возьмет в свое дело, и жизнь с ним обязательно будет замечательной - в уважении и достатке. В конце концов, нужно подумать о сестрах, их будущем! Что за будущее их ожидает, если они не закончат обучение? А отец Тома щедрый человек. Он обязательно поможет! И Алилесса, тяжело вздыхая, покорялась воле отца.

Да и Том был вполне симпатичным молодым человеком, так отчего нет?

Три года она жила с этой мыслью, свыкалась с ней, и почти поверила в то, что обязательно станет женой Тома. Для этого делалось все - она, пустив в ход свои женские чары и включив все свое обаяние, сумела сначала привлечь внимание юноши к себе, а потом и завоевать его сердце. На всех вечеринках они появлялись вместе, в обнимку, она позволяла ему то, чего никогда и никому не позволила бы - он тайком целовал ее, провожая вечером до дома, и в темноте, пока никто не видит, торопливо и жадно тискал ее грудь, стараясь дрожащими пальцами нащупать сквозь ткань сосок.

Алилесса заливалась краской стыда, отталкивала его руки, но это только больше распаляло юношу, он прижимался к ней, и она чувствовала сквозь тонкие брюки его набухший член. Том не раз предлагал ей это - стыдно даже подумать, что это такое! - но Алилесса всякий раз ускользала, вырывалась из его рук, оставляя распаленного юношу ни с чем.

Торопливо взбегая по ступенькам на крыльцо дома, она багровела от смущения, вспоминая неловкие, грубоватые ласки Тома, чувствуя странную пульсацию у себя между ног и влажное пятнышко, расплзающееся по трусикам. Ей было ужасно стыдно от этой жаркой возни в темноте, но она убаюкивала гложущую ее совесть тем, что все-таки Том без пяти минут ее муж, а значит, рано или поздно он получит все.

И так непременно было бы, если б не вечеринка, которую закатили по поводу дня рождения Мелли, на которую Том и Алисса явились вдвоем, как пара.

Чтобы пойти на этот праздник и составить равную пару с Томом, чтобы выглядеть достойной его, Алисса откладывала полгода. Неважно, что для этого ей пришлось сидеть на жиденьком супчике. Платье, туфельки, прическа - все должно было быть безупречным. Том, которому его внешний вид давался без такого труда, даже оценить не мог, что ей стоило одеться с таким шиком. А еще подарок! Алисса, наигранно улыбаясь, практически с сожалением протянула Мелли коробочку с тонким серебряным браслетом. Мелли наверняка не оценит; и носить не станет, выкинет в грудку подарков, рядом с остальными коробками, а вот Алисса с удовольствием носила бы.

Но Мелли почему-то решила открыть ее подарок. Подцепив пальцем тонкую цепочку, она вытащила браслетик из коробки и восторженно ахнула:

- Прелесть какая! Дядя, посмотри!

Вот тогда Алилесса впервые увидела лорда Терроза.

Он подошел, небрежно пригубив бокал с шампанским, его холодные синие глаза безразлично глянули на серебряную вещьцу.

- У мисс прекрасный вкус, - безразлично сказал он, чуть качнув головой и переводя взгляд на саму Алилессу. - Очень мило.

Как показалось девушке, мужчина был немного пьян - или просто у него была такая манера говорить, слегка растягивая глаза и глядя... ох, как неприятно он смотрел!

Он осмотрел Алилессу с головы до ног, неторопливо и не скрывая своего нескромного интереса к ней. Алилесса словно почувствовала его взгляд, скользящий по ее коленям, по бедрам, обтянутым черным узким платьем, по вырезу на груди. От него захотелось прикрыться руками, девушке стало стыдно за то, что ее плечи легкомысленно оголены, и она поежилась как от холодного сквозняка.

Впрочем, он ничего не сказал. Кивнув головой, он приподнял бокал в знак уважения и отошел.

Кто бы мог знать, что означает этот его взгляд!

Потом был праздник, танцы, и Том напился. То ли он не рассчитал своих сил, то ли хотел прихвастнуть своей многоопытностью, но так или иначе, а пил он коньяк, и его порядком развезло. Глядя как краснеет его лицо, как неприятно блестят красные губы, как мутнеют, становясь бессмысленными, его глаза, Алилесса подавила малейшие намеки на

отвращение к этому пьяному, пошатывающемуся человеку, напоминая себе еще и еще, что он ее будущий муж, а значит, она со смиренным терпением должна принимать все его недостатки.

И лорд Терроз...

Ей показалось, что он повсюду. Куда бы она ни повернула голову, всюду был он. Он не смотрел на нее, разумеется, нет. Чаще всего он вообще стоял к ней спиной или боком, и она видела его красивый чеканный профиль и его улыбку, с которой он разговаривал со своими знакомыми - а они обращались с ним с заметным уважением и даже отчасти заискивались перед ним.

Лишь однажды он обернулся в сторону Алилессы - Том пьяно расхохотался какой-то шутке, рассказанной его другом, таким же пьяным оболтусом, - и в синих глазах лорда Гранчестера Алилесса увидела усмешку. Словно он смотрел на двух мелких ничтожеств.

Это было очень неприятно и отчасти пугающе. Потому что в его глазах она снова заметила оценивающий интерес. Словно он рассматривал вещь и размышлял, а стоит ли она его внимания или нет.

А Тому было все равно. Он опьянел до такой степени, что стал агрессивным и возомнил, что Алилесса недостаточно почтительна к нему, раз отказывает ему в близости. Затащив ее за портьеру, он жадно прижимался к ее губам мокрым ртом, от него отвратительно пахло перегаром и табаком,

а его руки грубо шарили у нее под юбкой, стараясь подцепить и стащить трусики.

- Ты моя, - шептал он, покрывая искаженное от отвращения лицо девушки слюнявыми поцелуями. - Моя... Хочу тебя... хочу!

- Том, нет! - пискнула Алилесса, отталкивая его навалившееся на нее тяжелое тело. - Мы же договаривались - только после свадьбы!

- Да свадьба через полгода, - еле ворочая языком, бормотал Том, не прекращая своих грязных приставаний. - Немного раньше... подумаешь!

Но Алилеса была тверда, и, отпихнув распаленного ухажера, она вырвалась из его рук и выскочила из-за тяжелых плотных штор.

Вероятно, если бы ей удалось ускользнуть от него, ничего бы и не было. Она подумала, что Том, протрезвев, наверняка пришел бы в ужас от своего поведения и извинился, попытался бы загладить свою вину. И Алилесса, конечно, простила бы его и забыла бы свое отвращение, его руки у себя между ног, его противный пьяный треп, но...

Том, словно озверев, выскочил следом за ней и с ревом вцепился в ее руку, дернув ее на себя. Одна ее нога подвернулась, тонкий высокий каблучок скользнул и она упала, предельно ударившись бедром.

- Поганая шлюха! - вопил Том над ее головой. - Ты думаешь, что особенная?! Думаешь, тебе можно мучить меня?

Крутить своим задом?! Да у меня таких, как ты...

Наверное, он пьяным признался своим друзьям в том, что у него с Алилессой ничего не было, и его подняли на смех. Наверное, это больно уязвило его самолюбие, заставило его действовать так решительно, стараясь получить свое здесь и сейчас. И, не получив ничего, сообразив, что теперь дружки будут смеяться над ним пуще прежнего, Том решил хоть как-то реабилитироваться в глазах наблюдающих эту безобразную сцену.

Вероятно, он ударил бы Алилессу и без того рыдающую. Подвернутая нога и ушиб сильно болели, и она закрыла голову руками, спасаясь от ярости подвыпившего Тома, который уже занес было руку, но удара не последовало.

- Вы неподобающе ведете себя с мисс. Извинитесь, - раздался над ее головой замороженный, безразличный голос лорда Гранчестера. Алилесса распахнула глаза - мужчины застыли над ней, молча борясь. Лорд перехватил занесенную над ней руку и молча выкручивал ее, отчего Том, кривясь от боли, изгибался, пригибаясь к полу. А лорд все так же безразлично смотрел в его налитое кровью лицо, трясущееся от бессильной злобы. Для него Том был всего лишь перепивший сопливый мальчишка, ничтожество, которому лорд оказал великую честь, обратив на него внимание. И Том понял это. Понял, как жалко выглядит в глазах мужчины.

- Столько возни из-за какой-то шлюхи, - с остервенением рывкнул он, вырывая из цепких пальцев лорда свое крепко

помятое запястье. На его раскрасневшемся лице был написан мучительный стыд, он одернул одежду, пригладил растрепанные волосы, стараясь придать себе более уверенный вид и вернуть утерянное чувство собственного достоинства.

- Шлюхи? - насмешливо переспросил лорд, отступая. - Зачем же вы пришли в приличный дом с ней?

- Не ваше дело!

- И бить вы ее собрались потому что она шлюха?

- Потому что она моя! - окрысился Том. - Она принадлежит мне, ясно?! Я ее хозяин! - он ударил себя кулаком в грудь. - Только моя! Ее папаша продал ее мне с потрохами, ясно?! Делаю что хочу никого не спрашиваю! Ясно?

Лорд не стал его слушать. Том еще что-то кричал о том, как он богат и влиятелен и о том, что может купить кого угодно в этом городе, но мужчина не обращал на него никакого внимания. Склонившись над Алилессой, он попытался помочь ей встать, но она вскрикнула, едва наступив на подвернутую ногу. Тогда лорд без особых церемоний просунул свою сильную руку под ее колени, подхватил под спину и легко поднял, - словно она была легкой, как пушинка.

- Я отвезу вас домой, мисс, - произнес он, не глядя на Алилессу абсолютно. Но она вдруг почувствовала себя его. Его добычей - он уверенно шагал с ней на руках, так естественно и свободно, словно не было этой постыдной сцены с Томом, словно не было кругом удивленных любопытных взглядов, не было смешков и шепотков за его спиной.

Наверное, тогда вино ее прелести ударило ему в голову. Нежный вес ее тела, запах ее кожи, соблазнительные изгибы... Том все еще кричал что-то Гранчестеру в спину, слышались слова «Моя! Моя!», но лорд уже тогда знал - нет, не твоя...

Он довез ее домой и передал в руки отцу, а потом...

Потом в один прекрасный день, когда Алиесса оправилась от полученной травмы, отец позвал ее в магазин якобы помочь ему, но по приходе она увидела что все продавцы на месте. Кассир, дремлющий за кассой, передал ей, что отец ждет ее в своем кабинете.

И он был там не один.

К своему огромному удивлению девушка увидела там и лорда - он поднялся из кресла при ее появлении и слегка поклонился. Отец ее, торопливо что-то прячущий в ящике своего стола, вздрогнул как от пощечины и спрятал глаза.

- Милая, - дрожащим старческим голосом произнес отец, и сердце Алиессы ухнуло вниз, словно остановилось. Она смотрела на стоящего перед ней мужчину - высокого, сильного, хорошо сложенного, превосходно одетого и довольно приятного на вид, с благородной сединой, чуть тронувшей его смоляные виски, но отчего же ей было так жутко? Отчего его глаза, внимательно глядящие в ее лицо, были так страшны? Она всматривалась в его лицо, стараясь найти в его чертах хоть что-то теплое, человеческое, пытаясь убедить себя

что ее опасения и страхи беспочвенны, а этот человек - тот самый благородный рыцарь, что спас ее от пьяного Тома, вот только не походил лорд Гранчестер на рыцаря. Ни единой чертой. Ни колючим взглядом, не прихотливым изгибом губ... Ни трепетом изящно вырезанных ноздрей. Он принялся, словно хищник. Алилессе стало еще более жутко, когда она увидела это - то, как он жадно втянул воздух, словно хотел вдохнуть в себя часть ее души...

- Милая, лорд Гранчестер выказал нам великую честь, - бляял отец, и Алилессу окатила волна жара. Вот что он прятал! Чек! Щедрый чек, здесь и сейчас, деньги, которых так не хватало их семье! Лорд дал ему за нее денег, не дожидаясь свадьбы! - Он хотел бы видеть тебя своей женой, милая. И я дал свое согласие.

- Но папа, - прошептала ошарашенная Алилесса. - А как же Том?

Отец вспыхнул всем своим желчным лицом, его тонкие губы искривились в презрительной гримасе.

- Забудь о нем, - неожиданно жестко произнес он, словно приказал. - Этот негодяй недостоин тебя. После того, как он повел себя с тобой!..

«Черта с два тебя это заботило тогда! - с горечью подумала Алилесса. - Ты же сам кричал, что я дура, что я все погубила, поссорившись с Томом! А теперь... Конечно, теперь он не нужен тебе! Деньги и перспектива породниться с лордом...»

- Ну, думаю, вам нужно побыть наедине? - пробормотал

отец, ловко выскальзывая из-за стола. Он стал какой-то отвратительный, скользкий, похожий на угря. То и дело потирая ручки, нелепо хихикая, он выскользнул за дверь и замок звонко щелкнул, оставляя Алилессу наедине с лордом.

Несколько секунд они молчали, рассматривая друг друга.

Он все так же нехорошо, оценивая девушку, раздевая ее взглядом, чуть склонив черноволосую голову к плечу.

Она - со страхом, вглядываясь в незнакомы черты и не понимая, что происходит. Вот этот незнакомый, чужой, пугающий ее человек хочет стать ее мужем?! Но зачем?!

- Зачем вам это? - произнесла Алилесса тихо одними губами.

Лорд пожал плечами.

- Я так хочу, - лаконично ответил он.

- Но Том, - пробормотала девушка. - Он виноват, я знаю, но поверьте - он извинился, и я люблю его, понимаете? Он звонил несколько раз и извинялся, он в ужасе от того, ка себя вел! Не нужно так сурово наказывать его... и меня тоже! Вы ведь и меня этим накажете, вы понимаете?

Тома отец на порог не пускал. Молодой человек звонил - отец не велел Алилессе с ним разговаривать. Это было очень странно, Алилесса тогда подумала, что отец тоже рассержен на потенциального зятя и ее честь поставил все же выше своих интересов несмотря ни на что.

Но теперь девушка понимала причину такой резкой перемены.

Лорд снова пожал плечами.

- Мне что до этого? - холодно спросил он, и его глаза ярко сверкнули. - Мне безразличны ваши телячьи нежности. Я же сказал - я хочу вас. И вы будете моей. Я вручил вашему отцу довольно крупную сумму - не думаю, что он сможет вернуть ее обратно. Да и не захочет. Он продал вас; он перепродал свой товар подороже, - лорд неприятно усмехнулся, открыв в улыбке белоснежные зубы. - Только и всего.

Кровь бросилась в лицо Алилессе, она в ярости сжала кулаки. «Шлюха!» - так кричал Том, и лорд, вероятно, решил, что так оно и есть. Купил ее и теперь делает пошлые намеки.

- Но зачем я вам?! - прошептала девушка. Лорд глянул в ее лицо таким взглядом, словно она сморозила глупость.

- Как зачем? - удивленно переспросил он. - Трахать. Я буду вас трахать. Зачем еще нужны такие женщины?

- Что, простите?! - выкрикнула Алилесса. По ее багровым от стыда щекам уже ползли капли слез. - По-вашему я... шлюха?!

- Ну, а кто же, - мягко и спокойно ответил Гранчестер, глядя ей прямо в глаза своим страшным холодным взглядом. - Ваш отец взял за вас, - лорд уважительно кивнул, - весьма кругленькую сумму. Вы думаете, вы как-то по-другому можете называться после этого? Нет. Но я могу вас утешить, вы - самая дорогая шлюха, которую я только имел за свою жизнь.

- Если я шлюха, - выкрикнула Алилесса яростно, - то за-

чем же эти церемонии?! Зачем женитьба?

Лорд рассеянно пожал плечами.

- Иначе ваш отец не хотел отдавать вас, - ответил он бес-
печно. - Он уверял, что вы приличная девушка. Пришлось
пойти ему на уступки и согласиться на его условия. Но же-
нитьба, - лорд еще раз рассеянно пожал плечами, - это ведь
всего лишь формальность. Всегда можно развестись, не так
ли?

Алилесса, казалось, была готова взорваться от ярости.

- Я, - отчетливо сказала она, буравя негодяя злым взгля-
дом, яростно стискивая руки, с трудом сдерживая себя что-
бы не вклепить хлесткую пощечину по этому холеному кра-
сивому лицу, - не желаю быть с вами, не желаю! Ясно?!

- Извольте вернуть деньги, - безразлично ответил он. -
Или отработать.

- Я отработаю!

- Отлично. Означает ли это, что я могу перепродать вас
тому, с кем вы... захотите быть?

- Подлец! Негодяй! - выкрикнула Алилесса в истерике, и
жесткие пальцы лорда крепко ухватили ее за локоть, холод-
ные синие глаза оказались прямо напротив ее глаз.

- Закройте рот, - тихо и очень зло произнес он. - И не
смейте отзываться обо мне таким тоном! Не иначе я высеку
вас хлыстом. Что вы там хотите или чего вы не хотите - меня
не касается. Мне это безразлично. Все, что меня интересует -
это то, что я хочу вас. Я хочу вас трахать, и я буду вас трахать.

Ясно?

- Подлец!

Тонкий хлыст для верховой езды, коротко взвизгнув, опустился на ягодицы Алилессы, оставив на коже под одеждой взбухшую алую полосу. Девушка взвизгнула, подпрыгнув и суча ногами от жгучей боли, и лорд еще раз крепко встряхнул ее, сжав ее локоть железными пальцами.

- Повторяю - не смейте говорить обо мне в таком тоне, - произнес Гранчестер, и его кнут опасно потерся о ее колено. Страшные жестокие глаза смотрели прямо, не мигая. - Любую другую шлюху я иссек бы в кровь. Но вы слишком дорогая покупка, и у нас впереди свадьба. Поэтому я ограничусь предупреждением. Пока. Потом все будет зависеть от вашего поведения. Итак, мы договорились? Тогда всего доброго. Подготовьтесь к свадьбе как следует, милочка.

В поисках помощи

Измученная Алилесса проспала после бурной ночи долго. Когда она проснулась, был уже полдень, яркое солнце пробивалось сквозь неплотно задернутые шторы, солнечное пятно прочертило ослепительную полосу на белоснежном постельном белье, нагрело ее плечо и играло золотом на кольцах ее волос, приведенных бурной ночью в полнейший беспорядок.

Ее мужа рядом не было; наверное, он встал раньше и ушел по своим делам, оставив ее. Просто ушел, наигравшись, натешившись, удовлетворив свою похоть.

Алилесса всхлипнула, просунув руку под одеяло и коснувшись живота.

Все ее тело горело и ныло, ноги, кажется, было невозможно свести вместе - так все распухло. Ей казалось, что член лорда все еще движется внутри нее, между ее ног, возбуждение словно не желало покидать ее тело. Вспоминать то, что случилось ночью, было нестерпимо стыдно - и так же нестерпимо приятно, Алилесса даже согнулась пополам, когда спазм скрутил ее тело от одной мысли о том, как он прикасался к ней. О его руках, придерживающих ее спереди, за лобок, когда он прижимал ее ягодицы к себе покрепче, о горячих ладонях, поглаживающих ее живот, о настойчивых умелых пальцах, ласкающих ее между ног... и о толчках внутри нее, о глубоком удовольствии, которым наполнял ее

он - мужчина.

Но сейчас его рядом не было. Не было дикого удовольствия, и Алилесса, раз за разом прокручивая в голове воспоминания, все глубже и глубже погружалась в мучительный стыд.

«Я хочу трахать вас, и я буду трахать вас».

Он ни разу не поцеловал ее, ни разу не погладил с нежностью. Он трахал ее, драл как шлюху, жадно лапал всюду, где хотел, заставлял делать то, что он хотел... и она вела себя как шлюха! Алилесса закрыла пылающее лицо руками, ей хотелось провалиться сквозь землю при одном воспоминании о собственных столах и криках.

В дверь комнаты негромко постучали, дверь раскрылась и в спальню вошла пожилая женщина.

На ней было надето темно-синее строгое платье, повязан белый передник, на ногах - темные туфли на устойчивом каблуке. Очень похоже на униформу, которую носят слуги в богатых домах - добротно и элегантно, опрятно и строго. Ее серебряные от седины волосы уложены в аккуратный узел на затылке.

- Миледи уже проснулась? - почтительно произнесла она, сложив руки на животе. - Доброе утро. Желаете завтракать здесь, в постели, или спуститесь в столовую?

Внимательные глаза горничной - а это, вероятно, была горничная, посланная хозяином дома за Алилессой, - рассматривали девушку, и та покраснела, понимая, как сейчас

выглядит - взлохмаченная, с припухшими от ночных слез глазами и искусанными красными губами.

Она стыдливо натянула одеяло до подбородка, ей хотелось чтобы старуха убралась прочь сию же минуту, оставила ее в покое, но та стояла как вкопанный в землю столб, будто так и надо, и терпеливо ожидала ответа.

- Пожалуй, я спущусь вниз, - промямлила Алилесса, краснея. Старуха не могла не понимать, что произошло тут ночью. На полу валялись обрывки ночной рубашки Алилессы, простынь была покрыта неряшливыми пятнами, и Алилесса с содроганием поняла, что это пятна ее крови.

Уже потерявшей свою яркость, ставшей бурой, темной, но тем не менее.

Не хватало еще, чтоб и слуги в этом доме считали ее, Алилессу, шлюхой! Не хватало еще того. чтоб потом они перешептывались за ее спиной, рассказывая друг другу с презрением о том, как она, проведя с Гранчстером ночь, неумытая и неприбранная, лохматая, ела в постели, как какая-то неряха!

- О, миледи, - тактично произнесла горничная, проследив за ее взглядом и тоже увидев эти пятна. Алилесса побагровела и поспешила накинуть на них одеяло, но было уже поздно. - Вам помочь? Вероятно, вам нездоровится?

Том... Почему-то в памяти всплыло его лицо и сердце Алилессы внезапно кольнуло острое чувство любви - так бывает, когда теряешь кого-то очень близкого и когда понима-

ние потери наконец доходит до разума и осознается в полной мере.

Том, красивый и молодой, вспыльчивый и глупый, он ведь тоже любил ее!..

Как бы свински он не вел себя в тот роковой день, он же долгое время терпел ее отказы, смирялся с тем условием, которое она ему поставила, и был к ней нежен. Да, нежен - он целовал ее, замирая от ответных касаний ее губ, он обнимал ее и лаково гладил плечи, он...

А с Гранчестером все будет не так. Не будет нежности. Не будет трепета в прикосновениях, не будет замиранья сердца - все ведь уже произошло, чем можно тронуть, удивить его ледяное сердце? И захочет ли он вообще того, что сам с таким презрением называл телячьими нежностями? Нет; ему нужен только секс, только ее тело.

Не будет тепла, того особого приятного чувства, что обычно ощущают двое влюбленных, просто находясь друг с другом. А будет вот это - грубая, грязная, стыдная возня в темноте, разрывающее, унижительное наслаждение сначала и чувство болезненной пустоты после.

Эта пустота сейчас ощутилась особенно остро. Алилеса подсознательно ждала, что ее муж все же проявит человечность, проявит хоть каплю доброты и пожалеет, произнесет те слова, которые сейчас произносит эта чужая женщина, убедит ее, Алилессу, испуганную, сгорающую от стыда, что все произошедшее вовсе не знак того, что он неуважительно

к ней относится. Хотя какие-то слова, хоть какое-то утешение и помощь, а не это холодное использование!

Но этого ей не было дано...

Просто взял, просто сделал то, что хотел и просто ушел, бросив, оставив, словно безмолвную вещь. Отнял у нее любовь, дорогого ей человека просто потому, что так захотел. Отнял планы на жизнь, поломал все мечты, да и саму жизнь переломал. Теперь, даже если он вскоре насытится ею, наиграется и даст развод, разве захочет Том быть с нею после всего, что случилось?..

Алилесса не выдержала и громко разрыдалась, закрыв лицо руками, вздрагивая и захлебываясь слезами, и старуха вышла из своего почтительного ступора, ее угодливое, ничего не выражающее лицо стало растерянным, тонкие сухие губы дрогнули в нежной улыбке.

- Милая, - она всплеснула руками и поспешила к бьющейся в истерике Алилессе. - О, дорогая... не плачьте! Зачем эти слезы, ну же? Милая!

Предательское кровавое пятно снова показалось из-под одеяла, которое Алилесса натянула на себя, желая спрятаться от всего мира, и старуха приняла ее слезы за плач по потерянной невинности, за шок, который, несомненно, испытала юная девушка при знакомстве с плотской стороной любви.

- Милая, - шептала старуха, обнимая рыдающую девушку, закутавшуюся в одеяло, - ну, не плачьте! Это ничего; ничего страшного не произошло. Это всего лишь обычная лю-

бовь, да, еще одна сторона отношений между мужчиной и женщиной. Все женщины рано или поздно дарят себя мужчинам, это долг каждой любящей жены и ее жертва. Ну все, все хорошо. Не нужно так расстраиваться. Все будет просто отлично!

Алилесса, слушая ее утешения, прижавшись к груди этой незнакомой женщины, плакала еще горше, потому что та не понимала истинной, более глубокой причины ее слез, и оттого ее утешительные слова не приносили успокоения.

Жена!

Значит, Гранчестер все же объявил ее своей женой перед слугами, а это означает, что он принудит Алилессу быть его, пока ему не надоест. Его игрушкой, его вещью, его очередной выгодной покупкой. А значит, он не отпустит ее сейчас. Она останется здесь, в его доме, и с Томом вряд ли увидится. Никогда больше, никогда... Алилесса зарыдала еще громче, пока горничная гладила ее по пышным волосам, тихонько баюкая, как ребенка, и шепча ненужные слова утешения. Сердце девушки разрывалось на куски.

- Ну, зачем так плакать, - ворковала старуха, - вы теперь не просто хорошенькая юная девочка, вы теперь супруга Лорда, леди Гранчестер. Это налагает некоторые обязанности, понимаете? Люди их круга не позволяют себе такой роскоши, как быть заплаканными, проявлять излишне откровенные эмоции при людях, понимаете? Миледи, вам нужно это понять и начинать привыкать к вашему положению...

- Не будет никакого положения, - провыла Алилесса, - он скоро выгонит меня, ах, оставьте ваши нравоучения!.. Не хочу ничего слышать!

Старуха, чуть отстранившись от рыдающей девушки, насмешливо фыркнула, рассматривая ее залитую слезами мордашку. Она не понимала, не знала истинной причины этих слов, ведь Гранчестер наверняка не делился с ней ни своими мыслями, ни своими планам относительно Алилессы. Поэтому эту истерику старуха списала на неуверенность юной, неопытной девушки. Вероятно, переживает, что не сумела доставить мужу удовольствие в первую ночь, или считает, что что-то пошло не так, совсем не так, как ей описывала мать, постеснявшаяся рассказать правду, вот и говорит невесть что?..

- Люди его положения, - веско произнесла старуха, глядя Алилессе прямо в глаза, - не женятся и уж тем более не разводятся просто так. Это не принято, это... скандально! Ну же, миледи. Отбросьте все терзающие вас мысли. Лорд Терроз уже несколько раз справлялся о вас. Он хотел ехать по делам, но решил остаться и дожидаться вашего пробуждения. Так что утрите ваши хорошенькие глазки, вам совершенно не о чем плакать. Я помогу вам одеться. Если пожелаете, я всегда буду при вас и подскажу, научу, что полагается делать и как полагается себя вести.

Алилесса глубоко вздохнула, успокаиваясь. Ну, все верно. Не полагается выносить на всеобщее обозрение свои мыс-

ли, чувства, отношения. Гранчестер нацепил свою непроницаемую холодную вежливую маску, спрятал под видом приличного человека свою звериную натуру, и создает для всего света образ примерного и заботливого мужа.

Такого, каким он должен быть. И Алилесса должна будет - по его мнению, - для всего света вести себя как образцовая жена. Никто не узнает, что на самом деле, за этим фасадом, нет чувств и любви, нет уважение, не узнает, что лорд, желая сохранить свое громкое имя, женился, чтобы о нем не говорили - спит с кем попало...

Вот почему он женился.

Его положение в обществе не позволяло ему вести себя легкомысленно, а ему хотелось.

«Я хочу вас трахать, и я буду вас трахать».

Алилесса вдруг вспомнила, что в ее сумочке, которую вчера среди ее прочих вещей должны были привезти и положить где-то в комнате, вероятно, в гардеробной, есть телефон. А значит, можно позвонить...

Можно позвонить Тому.

Еще раз услышать его голос, хоть какие-то человеческие слова, вопросы, услышать негодование, возможно брань, хоть что-нибудь, лишь бы это был его голос, родной, любимый!..

Пока старая горничная убирала постель, Алилесса на цыпочках прокралась в гардеробную. Ее свадебная белая шел-

ковая сумочка нашлась сразу, и Алилесса с сильно бьющимся сердцем схватила ее, прижала к себе как самое дорогое сокровище и бросилась в ванную комнату.

Там она включила воду, чтобы ее шумом заглушить свой голос, чтобы никто снаружи не слышал ее разговора, и дрожащими пальцами набрала заветный номер.

От звука голоса Тома она разрыдалась, зажимая рот ладонью, чтобы никто не услышал ее - ни старуха, убирающаяся в комнате, ни Том. Слезы закапали. полились ручьями по щекам, и она не сразу расслышала, поняла, о чем Том спрашивает ее.

- Милая, милая! - твердил он как заведенный. - Что с тобой?! Ты плачешь?!

- То-ом, - прошептала она дрожащим голосом, захлебываясь слезами. От его тревожного голоса стало невероятно хорошо, так хорошо, что она расслабилась, опустилась на пол, откинула голову и закрыла глаза. Больше, казалось, ничего и не надо было, лишь бы только слышать его. - Ну, вот и все, Том...

- Отчего ты так говоришь?! Что ты там задумала?! Не смей с собой ничего делать, слышишь?! Я не переживу этого! Ты меня слышишь?!

Она тихонько рассмеялась, совершенно счастливая, утирая мокрый нос.

- Том, - произнесла она с нежностью в голосе. - Я люблю тебя, Том. Прости меня...

И она снова разрыдалась.

- Что он сделал с тобой?! - взвился Том. - Он избил тебя?!

Я убью его!

Алиесса снова рассмеялась, чувствуя всепоглощающую нежность. Том такой смешной... В его голосе причудливо перемешивались страдание, горячность, любовь и капля ревности. Ревность слышалась в том, как он произносил слово «он». С отвращением, но и с ревностью, ведь «он» теперь муж Алиессы. Муж...

- Он не бил меня, - тихо ответила она. - Он...

И она снова расплакалась. Она не могла сказать Тому, что больше не невинна, что уже не чиста как раньше, что она не смогла сберечь себя для него. Да и как сберечь, если теперь она принадлежит другому?.. Вместо этих слов она тихо плакала в трубку, шмыгая носом, слушая горячечные признания, которыми одаривал ее Том. Впрочем, он и сам все понял. Не мог не понять. Она услышала его рычание, выдох, полный боли и гнева.

- Я виноват, милая моя, - горько выкрикнул Том. - Это все из-за меня. Я виноват, любимая. Прости меня, прости, дорогая моя! Если бы я не устроил эту безобразную сцену!..

- Теперь это уже не важно, - ответила Алиесса мягко. - Не важно. Я звоню попрощаться и... чтобы услышать твой голос. Я очень соскучилась по тебе, Том.

- Нет, подожди! - взвился Том снова. Его голос дрожал, словно он тоже вот-вот расплачется. - Я буду бороться за те-

бя! Я явлюсь к нему, и...

- И что? - устало сказала Алилесса, вытирая мокрые глаза.
- Брак заключен. Это была не шутка, Том. Он решил наказать тебя. Он сделал так, чтобы причинить тебе боль, Том. Нам обоим. Ты оскорбил его тогда, помнишь? Он не прощает такого никому. И тебе не простил. Ты кричал, что я твоя - и он просто забрал меня, чтобы показать тебе свою власть. Свои деньги. Показать разницу между вами. Он высокомерный, он и за людей-то нас не считает...

- Но ты же можешь с ним расстаться?! Он получил что хотел, черт, черт, черт! - Том на миг замолк, тяжело дыша. Затем взял себя в руки, перевел дух и продолжил срывающимся голосом. - Он получил, что хотел. Теперь-то ты можешь сказать ему, что хочешь уйти?

- Куда? Зачем? - грустно усмехнулась Алилесса, но ее сердце дрогнуло.

- Ко мне, - твердо ответил Том. - Я люблю тебя, я приму тебя любой. Я много думал... я многое понял. Я не могу без тебя. Я люблю тебя.

Алилесса снова всхлипнула, тихонько рассмеявшись.

- Я не могу уйти, - так же мягко ответила она. - Он... он дал отцу денег, понимаешь?

- И только? - настороженно переспросил Том.

- Много денег, Том. Я предлагала ему отработать, но он... - Алилесса снова всплакнула, и Том торопливо принялся утешать ее.

- Не плачь! Послушай меня! Дал денег? Много? Дело только в деньгах?

Алилесса пожала плечами.

- А в чем же еще? - устало сказала она. - Сам подумай, зачем я ему теперь? Он хотел потешить свое самолюбие - он его потешил. Хотел доказать - доказал. Теперь он точно потребует назад свои деньги. А отец их наверняка уже потратил. И сестры...

- Я готов отдать их за тебя, - пылко и решительно сказал Том. - Сколько бы он не потребовал! Я совершил ошибку, и я должен расплатиться ее, должен исправить. Я приеду к нему и поговорю с ним, и я заставлю его уступить! Мы будем вместе, милая! Верь мне!

Алилесса смеялась сквозь слезы, слушая его пылкие признания, обещания и слова любви. Похоже, Том искренне переживал произошедшее, их разлука причиняла ему боль, и настроен он был решительно.

- Я верну тебя, милая, - обещал он. - И вымолю у тебя прощение. Веришь мне?

- Верю, - прошептала Алилесса.

Холодная вода для умывания сделала свое дело.

Приняв душ, Алилесса долго плескала в лицо холодную воду, и та смыла остатки ночных слез, убрала припухлость

век и красноту с губ.

Старая горничная помогла Алилессе выбрать в гардеробной комнате подходящее домашнее простое, но элегантное платье из светлого оливково-серого льна, прибрала ее волосы и распахнула перед ней угодливо дверь.

Алилесса зябко передернула плечами, сделав шаг из спальни в коридор. Почему-то эта комната, ставшая для нее пыточной камерой, воспринималась ею теперь как убежище, как единственный уголок, где можно было спрятаться. Незнание дома страшила ее больше того, что уже произошло.

И навязчивое присутствие старухи... оно раздражало, оно пугало, как присутствие надзирателя. Она что, теперь ни на миг не оставит ее, Алилессу, в покое? Всюду будет ходить, глядя своими мышиными глазами за тем, как Алилесса встанет, как садится, слушать, что она говорит и подсматривать, что она делает?..

Девушка, осторожно спускаясь по лестнице на первый этаж, рассматривая натертые до блеска паркетные полы и пятно света, растянувшееся на них от дверей столовой почти до самой лестницы. Слезы снова набежали на ее глаза, но девушка решительно смахнула их ладонью. Не плакать, не плакать! Не доставлять этому монстру лишнее удовольствие - ему же наверняка нравится издеваться над ней, унижать ее? Нет, теперь она не должна плакать, после слов Тома, после его уверений... Его голос звучал в ее ушах и придавал уве-

ренности. Произошедшее уже не казалось ей концом света. Она искала поддержки и она обрела ее. Все будет хорошо, убеждала она себя, надо только немного подождать и потерпеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.